

“A hard and hungry life has come”: combating hunger in the Yaroslavl village during the Civil war (based on the materials of P. V. Bugrov’s diaries)

I. S. Sleptsova (Kyzlasova)¹

¹N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 32A Leninckiy av.,
Moscow 119334, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-54-63

Research article
Full text in Russian

The paper analyzes the diaries of the Yaroslavl peasant P. V. Bugrov, dating back to the first third of the XX century, which are a valuable historical source for reconstructing the everyday life of the peasant community. They show the catastrophic impact of wars and revolution on the peasant economy and present individual and collective practices of survival in conditions of hunger and unstable socio-political situation. Analysis of diaries allows us to conclude that the peasant economy continues to exist even in extremely unfavorable conditions and provides life to its members through a variety of ways to overcome hunger.

Keywords: Civil War in Russia; First World War; peasant diaries; hunger; survival strategies; Yaroslavl region

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sleptsova (Kyzlasova) Irina S. | E-mail: I_Kyzlasova@mail.ru
Senior Researcher

Funding: RHSE, Project No 18-09-00351.

«Настала тяжелая и голодная жизнь»: борьба с голодом в ярославской деревне в период Гражданской войны (на материалах дневников П. В. Бугрова)

И. С. Слепцова (Кызласова)¹

¹Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский пр-т., 32А, Москва, 119334, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-54-63
УДК 94(47).084.3

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу дневников ярославского крестьянина П. В. Бугрова, которые относятся к первой трети XX века и являются ценным историческим источником для реконструкции повседневности крестьянского сообщества. В них показано катастрофическое воздействие войн и революции на крестьянское хозяйство, представлены индивидуальные и коллективные практики выживания в условиях голода и нестабильной социально-политической обстановки. Анализ дневников позволяет заключить, что крестьянское хозяйство даже в экстремально неблагоприятных условиях продолжало свое существование и обеспечивало жизнь его членам благодаря разнообразным способам преодоления голода.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Первая мировая война; голод; стратегии выживания; крестьянские дневники; Ярославская область

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Слепцова (Кызласова) Ирина Семеновна | E-mail: I_Kyzlasova@mail.ru
Старший научный сотрудник

Финансирование: РГНФ, проект № 18-09-00351.

Первая мировая война, революция и затем Гражданская война оказали катастрофическое воздействие на повседневную жизнь российского населения, полностью изменив привычный бытовой уклад. Наиболее острыми стали вопросы жизнеобеспечения, прежде всего добывание продуктов. Характерное для периода войн недоедание основной массы населения, а зачастую и просто голод определяли массовое сознание, главной компонентой которого выступал страх за жизнь и стремление выжить

© Слепцова (Кызласова) И. С., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

любой ценой. В этих обстоятельствах происходили кардинальные изменения в индивидуальной и социальной психологии, ломались выработанные в мирное время поведенческие нормы и ценностные установки [1]. Отсутствие средств и способов поддержания жизни ставит под угрозу само физическое существование человека, поэтому понятие «голод» занимает одно из главных мест в крестьянском менталитете [2], а обеспечение «продовольственной безопасности» (получение хорошего урожая и повышение продуктивности домашнего скота) является основой всей хозяйственной деятельности и аграрной обрядности. В регулярно повторявшиеся периоды голода формировались различные стратегии выживания как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, изобретались технологические и социальные практики, направленные на его преодоление.

Проблема влияния голода на человека и социум, а также исследование стратегий выживания были впервые всесторонне проанализированы П. А. Сорокиным, имевшим личный опыт существования в период голода [3]. Он выделил несколько видов голода и несколько стратегий борьбы с ним, которые он назвал «пищетаксическим» поведением. Под последним он понимал любое поведение человека, которое инициируется голодом и направлено на получение пищи или ее «эквивалента» (например, денег), позволяющего добыть пропитание [3, с. 111]. Различные конкретные поведенческие практики и способы «утоления голода» он разделил на шесть основных форм. Согласно его классификации, ими являются:

- 1) изобретение новых и улучшение старых источников пропитания;
- 2) приобретение необходимого продовольствия у других групп легитимным путем;
- 3) перемещение избыточного населения из голодных областей в изобильные (мирная эмиграция и завоевание чужих территорий);
- 4) насильственный захват чужого продовольствия в результате войн;
- 5) перераспределение продовольствия и богатств, имеющих внутри данной группы, в форме: «а) эпизодических захватов голодными имуществами сытых (путь “преступлений”); б) массового и в известной мере организованного нападения голодных на богатых как держателей “пищевых скопов” и их эквивалентов (путь мятежей, волнений, революций); в) вмешательства власти, которая осуществляет перераспределение сверху и тем самым изменяет экономико-продовольственную организацию общества; г) добровольного отказа богатых от части имеющихся у них питательных благ в пользу голодных – безвозмездно или в обмен на определенные услуги. <...>;
- 6) наконец, если все эти пути по каким-то причинам не достигают своей цели, то остается еще старый и самый “надежный” способ “утоления” голода – смерть и изменение “естественного движения населения”, способ всегда и всем “доступный” и неизменно верный» [3, с. 204]. Эти практики могут существовать все вместе или в различных комбинациях, активизиру-

ясь в зависимости от конкретных природных, экономических и социальных условий.

Целью данной статьи будет анализ дневников крестьянина Павла Васильевича Бугрова (1869–1936) из деревни Ворокса Даниловского уезда Ярославской губернии (совр. Некрасовский р-н Ярославской обл.)¹ и представление на их основе стратегий борьбы с голодом во время сложнейшего периода российской истории, охватывающего Первую мировую войну, революцию и Гражданскую войну и связанного для рядового обывателя с огромными лишениями и невозможностью поддерживать привычный образ жизни.

Записки Бугрова отличаются некоторой спецификой, состоящей в том, что в них совмещаются черты приходо-расходных книг, поденных заметок, мемуаров и автобиографии [характеристику собрания см.: 4]. Хозяйственные заметки дают возможность реконструировать повседневную жизнь семьи Бугрова и сельского социума, а его рефлексия по поводу различных событий позволяет получить представление о его идеологических предпочтениях и политических взглядах, а главное о системе ценностей и о том, насколько прочными оказались его нравственные установки в экстремальных условиях, когда на карту была поставлена сама жизнь человека и его близких.

Несмотря на то что в описываемый период происходили кардинальные перемены в политическом и экономическом строе страны, непосредственно затронувшие даже самый малый населенный пункт, записки Бугрова демонстрируют преимущественное внимание их автора к хозяйственно-бытовым вопросам, прежде всего к возникшим в результате войн и революции трудностям (исчезновение многих продуктов и товаров, инфляция, карточная система распределения, распространение товарообмена и т. д.). В начале каждого дневника Бугров дает краткую общую характеристику года. Первые упоминания о появившихся перебоях в снабжении продуктами и снижении уровня жизни относятся к 1917 году. Но в основном тема голода в полной мере разворачивается в дневниках периода Гражданской войны. «Дневник 1919 года Павла Васильевича Бугрова. <...> Гражданин П. В. Бугров. Время тяжелое и трудное. Голод, нет хлеба, чаю, сахару и круп, и спичек, табаку» [5]; «1920 год по новому стилю, год високосный, по народному сказанью будто бы тяжелый. Посмотрим, но и прошедший был нелегко. Голод и голод и дороготня» [6] и т. п.

Снижение уровня жизни крестьянства наглядно демонстрирует сопоставление цен на продукты питания и предметы первой необходимости,

¹ Незадолго до смерти П. В. Бугров продал все свои документы Краеведческому музею в Ярославле и сейчас они хранятся в Ярославском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Фонд личного происхождения. Шифр: ЯМЗ-18152/1-41. Все дневники не имеют пагинации. В тексте статьи цитаты из дневников приводятся в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации.

а также сокращение номенклатуры приобретаемых товаров. Так, пуд ржи у частных лиц в январе 1918 года стоил 40 руб., в июне – 104 руб., в августе – 100 руб. (ср.: в 1917 году пуд ржаной муки – 6 руб.). Незначительное количество ржаной муки распределялось по карточкам. Семье Бугрова, состоящей из пяти человек, было выделено за год всего $3\frac{1}{8}$ фунта – 1 руб. 88 коп. Пшеничная мука в 1918 году выдавалась только два раза – на Масленицу по полтора фунта (60 коп. за фунт) и на Пасху по четверти фунта на человека (цена не указана). Из круп получили только около двух с половиной пудов саго. Постного (подсолнечного и конопляного) масла было куплено и получено по карточкам всего чуть больше 12 фунтов. Очень мало покупалось чаю, сахар в основном заменялся патокой, которую выдавали на картофелетерочном заводе и которая затем обменивалась на необходимые продукты.

Введенное во время Первой мировой войны нормирование и распределение по карточкам основных продуктов питания в годы Гражданской войны было распространено практически на все продукты, которые выкупались в «потребилровке» (лавке потребкооперации). Судя по записям, в 1919 году ржаной муки было получено всего 1 пуд и 30 фунтов, овса – немного больше 4 пудов, а пшеничной муки не было совсем. Для выпечки хлеба вместо зерновой муки часто использовался крахмал или молотый сушеный картофель: «Хлеб из сушеной картошки. Одним словом, картофель спасает нас от голодной смерти. Но живот побаливает частенько и слабость» [5]. Резко подорожал такой необходимый продукт, как соль. В январе 1918 года пуд соли стоил 2 руб. 40 коп. Ее иногда приходилось заменять соленой водой, получаемой на соляных источниках в посаде Большие Соли, которую затем выпаривали или просто готовили на ней еду: «Бочку 10 ведер соленой воды от Солей для пицци» [6].

Нехватка продуктов и промышленных товаров, а также установление карточной системы привело к сокращению денежного обращения и переходу населения на прямой товарообмен, о чем свидетельствуют записи 1920–1922 годов. В дневниках Бугрова появляется соответствующая рубрика, в которой он фиксировал свои сделки. Например, за 22 пучка соломы для корма скоту Бугров отдал 12 корзин и еще 15 мелких плетеных изделий, которые он изготавливал специально с этой целью. Постоянно упоминается обмен патоки на хлеб, картофеля – на одежду в Костроме, картофеля и патоки – на солому, сено, мыло и на «разной товар». За более ценные вещи и услуги приходилось расплачиваться хлебом. Так, за два фунта мыла было отдано 9 ф. пшеницы, плата пастухам составила 12 ф., пользование молотилкой – 30 ф. пшеницы и т. д. Продуктами собирали взносы и на содержание фельдшерского пункта и школы, рабочих паевого завода, церкви и священников и т. д. Если же приходилось расплачиваться деньгами, то в 1922 году расчет шел на сотни тысяч и миллионы. Например, 1 тысяча спичек стоила 1700 тыс. руб., 22 ф. керосина – 13200 тыс. руб.

Подворный налог составил 4500 тыс. руб., взнос на общие деревенские расходы – 1250 тыс. руб. и т. д. Таким образом, тысячекратное повышение цен за годы войн и революции говорит об огромной инфляции, приведшей к резкому снижению покупательной способности, ухудшению качества питания и зачастую к голоду, результатом чего явилось повышение смертности населения (например, в 1919 г. в Вороксе умерло 22 человека, значительно больше, чем в другие годы). В перечне умерших жителей деревни, который Бугров составлял в течение двадцати лет, в качестве причин смерти в эти годы он нередко указывал голод. Заметим, что в верхневолжских губерниях все же не было того страшного голода, как в Среднем Поволжье и центральных областях, поэтому и стратегии борьбы с ним были несколько иные, чем там. Точнее, в них преобладали более «цивилизованные» методы, не разрушающие человеческую личность и не сводящие человека к животному состоянию.

В записках Бугрова можно найти практически все выделенные П. А. Сорокиным «способы утоления голода». Одним из очевидных и наиболее быстрых способов ликвидации недостатка продуктов питания, особенно нехватки ржаной и пшеничной муки, что наиболее тяжело переживалось крестьянами, были поездки в местности, не пораженные неурожаем и голодом. Практиковалась организованная закупка зерна жителями деревни, волости или уезда. С этой целью крестьяне собирали деньги и посылали ходоков в «хлебные» места, даже в Сибирь: «19 марта денег собрано на хлеб 50 р. для закупки хлеба тремя волостями и заводом Понизовкина: Боровская, Петропавловская и Бухаловская [волости], весной на баржах» [7]. Однако эти поездки не всегда оканчивались удачно, посланцам иногда приходилось возвращаться «с пустом», что приводило к ожесточенным конфликтам, нападению на закупщиков зерна, которых «озлобленная толпа народа» сажала под арест.

Обеспечение физического выживания семьи стало главной проблемой для Бугрова и полностью определило выбор жизненных стратегий. Ситуация осложнялась еще и тем, что закончились его обычные заработки во время волжской навигации, поскольку была прекращена деятельность судовладельцев. В создавшихся обстоятельствах Бугров выбрал активную стратегию, хотя в этот период в крестьянской среде практиковалась и пассивная форма – нищенство, однако из членов его семьи никто не «ходил по миру». Можно говорить об особой жизнестойкости Бугрова, которая сформировалась у него под влиянием опыта. Пройденный им «незавидный путь жизни» воспитал в нем особые личностные качества – трудоспособность, неприхотливость, терпение и одновременно склонность к экспериментам в хозяйстве и предприимчивость, что помогло ему в трудных условиях даже несколько улучшить свое хозяйство и сохранить жизнь членам семьи. Он изобретал новые способы добывания средств существования и старался максимально полно использовать все доступные ему ресурсы.

Стал больше усилий вкладывать в свое хозяйство: увеличил посадки картофеля, который использовался не только для еды, но и как техническая культура, его он сдавал на картофелетерочный завод и взамен получал патоку, из которой варил ландрин. На арендованной земле начал выращивать капустную рассаду, которую в больших количествах продавал в окрестных селах; сажал капусту, огурцы и другие овощи, а также сеял рожь, овес и пшеницу, что составило основу питания семьи. Постарался завести больше домашней скотины. Так, к уже имеющейся телке в 1919 году купил «поросёнок боровок маленькое, ценою тысяча семьсот рублей на советские деньги, бумажные» [5]. В 1921 году получил «телёнок красное белоголовое трех месяцев от рожденья на ферме Васильевское у Понизовкина за плату – 50000 р. разменными знаками» [8]. Стал изготавливать корзины, орудия труда и т. д. Реализация в Костроме и Ярославле части выращенных продуктов, а также изделий домашнего промысла позволила дополнительно получать небольшие денежные средства. Значительно изменился характер труда и возросла его интенсивность; одновременно с этим изменилась и структура дохода. В бюджете семьи увеличился удельный вес доходов в натуральном виде в отличие от дореволюционного времени, когда преобладала их денежная форма: тогда основным источником содержания семьи были заработки Бугрова в навигацию по погрузке-разгрузке барж и плата за различные поденные работы у односельчан, а ведение собственного крестьянского хозяйства выполняло подсобную функцию.

Сложность добывания средств существования заставили Бугрова мобилизовать все трудовые ресурсы семьи: жену и детей. Жена Анна Алексеевна и в предшествующие годы, несмотря на частые беременности, роды и ведение домашнего хозяйства, постоянно занималась поденным трудом у односельчан (жала рожь, сажала, окучивала и рыла картофель, помогала с уборкой дома и пр.), но в этот период значение ее вклада в общий доход семьи возросло, поскольку она получала вознаграждение продуктами. Например, согласно записи 1918 года, «8 августа жала рожь в Бутове подённо, не деньгам, а рожью, 10 фунтов в день. Жала 8 дён, хлеба получила два пуда, цена была хлебу 200 р. за пуд. Итого 400 р. <...> 23 августа обирали колос из-под ржи в Бутовском поле» [7].

Дети Бугрова – Елизавета (домашнее имя Лисутка, 1903 г.р.) и младший сын Константин (1906 г.р.) – также вынуждены были начать помогать семье. Запись об их первом заработке обведена в рамку, видимо, чтобы подчеркнуть важность этого факта: «Лисутки и Костюшки первая добыча. Костюшка работал на паевом заводе, бил щебень для бетона на своём заводе 15 ден, полтора руб. в день. Костюшке 10 лет от рожденья. <...> Костюшка и Лисутка били щебень для бетона под баки на отряд за 60 р. за грудку. Работали 15 дён. <...> При постройке своего завода Лисутка работала 8 дён,

била щебень для бетона. 15 июля получено с паевого Хрептовского завода² 12 р. 5 августа таскала щепы из тёрочной Хрептовского паевого завода, получено за 6 ден 9 р. Лисутке 13 лет от рожденья» [9]. В дальнейшем записи о работе детей встречаются постоянно, но они больше относятся к занятиям домашним хозяйством. Старший сын Григорий осенью 1916 года был призван в армию и после учебы попал на Балтийский флот, где и остался, поддерживав Октябрьскую революцию. Он иногда приезжал со службы домой, но его вклад в общее хозяйство был в тот период сравнительно небольшим.

Если Бугров придерживался законных способов добывания средств к существованию (просоциальная стратегия), то содержащиеся в дневниках материалы позволяют говорить о распространении в крестьянском социуме и антисоциальных стратегий выживания (воровство, разбои и грабежи, иногда сопровождавшиеся убийством). Заметок о воровстве в годы Первой мировой и Гражданской войны становится значительно больше по сравнению с предшествующим периодом. Чаще всего воровали сено, так как зимой оно хранилось вдали от деревни на сенокосах и было легкой добычей для воров: «Поймали воров с сеном, свалили у пожарного сарая два возка, ночью опять украли. <...> Украли рыбу из садка у Халамоновых, 8 лещей крупных» [10], и т. д. Негативное влияние последствий голода сказывалось и в дальнейшем: уровень преступности не снизился.

В качестве экстремальной стратегии выживания можно рассматривать сопротивление крестьян продразверстке, что выразилось в массовых восстаниях во многих регионах России. В Ярославской губернии это было выступление «зеленой армии» [11], которое было подавлено в течение лета 1918 года. Бугров лично не участвовал в этом движении, и по его записям трудно сказать, как он оценивал. Группа участников этого движения была расстреляна недалеко от его деревни, о чем он написал в дневнике. Среди погибших названы люди из соседних деревень, лично знакомые Бугрову, что не могло оставить его равнодушным. В целом, можно утверждать, что характерный для Бугрова патернализм и лояльное отношение к власти как таковой свидетельствуют о его отрицательном отношении к антисоциальной и экстремальной стратегиям выживания. Для себя он выбрал стратегию, не выходящую за рамки крестьянских нравственных представлений, базирующуюся на нормах обычного права и христианской этике.

Нехватка продовольствия активизировала практики кооперации в обеспечении жителей деревни особенно ценными и дефицитными белковыми продуктами – мясом и рыбой. Так, в 1919 году мясо от заколотого общего для деревенского стада быка («десяточного») распределили по хозяйствам в соответствии с числом коров в каждом из них, а на собранные при этом деньги купили нового быка. В следующем 1920 году получили мясо таким же образом. Еще немного мяса в этом же году досталось после выпол-

² Хрептовский картофелетерочный завод, пайщиком которого был Бугров, поэтому в дневниках он часто называет его «свой завод».

нения разнарядки по продразверстке: «13 декабря получили фунт мяса, остаток от быка. 5 пудов сдали в казну в Ярославль по разверстке 41 пуд на деревню. А остаток 2 пуда 10 ф. разделили по фунту на каждую корову. Коров 93 коровы» [6]. Совместно использовались и рыбные ресурсы недалеко расположенного озера Кухло, которое до этого времени сдавалось в аренду, что приносило крестьянам средства для оплаты общих расходов. Характерно, что «рыбный пай» был выделен и на старшего сына Григория, в тот момент проходившего службу на Каспийском море, и его жену, как на лиц, имеющих право на получение «доли» из общего владения: «20 ноября в субботу получили рыбы селедки 12 фунтов на едоков, по два фунта на едока, Гринкя служил на Кавказе и с женой, рыбы получили и на его. Рыба из [озера] Кухлы. Ловили всей деревней, а не отдавали в аренду одному лицу как раньше за 25 рублей. Ходили стеречь по ночам по очереди. <...> 25 ноября рыбы еще получили 5 ф.» [8].

В качестве еще одного из источников получения помощи в борьбе с голодом следует упомянуть социальную политику государства, направленную на поддержание беднейшей части населения. Благодаря тому что старший сын Бугрова Григорий служил на Балтийском флоте, семье выдавались продовольственные карточки «Красная звезда» и была назначена небольшая пенсия на мать и на несовершеннолетних сестру и брата. Например, в 1920 году «13 марта ст.ст. в пятницу получена пенсия на двоих: на Костюшку и матку шестьсот сорок рублей и продовольственные 2 карточки. 24 мая пенсия получена за Гриньку на двоих 1600 рублей и по полфунту на человека сахарного песку и соли. Итого два фунта. <...> 1 июля получена пенсия 300 р. и карточка продовольственная на Лисутку. 9 сентября пенсия получена на двоих – 1728 р. 9 декабря пенсия получена за Гриньку расч[етными] знаками на двоих – 1152 р. 22 декабря 2 ф. сахарного песку, 2 ф. соли на “красную звезду” – 85 р.» [6]. Эта политика способствовала уменьшению социальной напряженности и формированию у крестьян лояльного отношения к новой власти и ее реформам.

Социальная поддержка реализовывалась и в других формах, непосредственно влиявших на повседневную жизнь деревни. Так, существовала система продовольственных комитетов, которые, кроме продуктов, распределяли и семена для посева, что было крайне важно в борьбе с голодом, поскольку обеспечивало крестьян зерном на следующий год. Также организовано крестьяне получали и некоторые дефицитные и дорогостоящие орудия труда, купить которые единолично им было не под силу и использование которых в небольшом единоличном хозяйстве было экономически невыгодно. Такие мероприятия, проводимые государством, стимулировали самоорганизацию сельских хозяев для совместной работы. Этому, кстати, способствовало и устройство паевых картофелетерочных заводов, начатое еще накануне Октябрьской революции, что позже оказалось реальной помощью в борьбе с голодом. Отметим, что данная политика играла двоя-

кую роль. С одной стороны, она помогала выжить в тех крайне тяжелых условиях, с другой – усиливала иждивенческие настроения крестьян, формировала у них пассивные стратегии поведения и уменьшала личную ответственность за собственное благополучие.

Таким образом, анализ записок П. В. Бугрова позволяет говорить о жизнеспособности крестьянского хозяйства, которое даже в экстремально неблагоприятных условиях продолжало свое существование и обеспечивало жизнь его членам благодаря своему мощному адаптивному потенциалу. Сложившиеся тяжелые обстоятельства заставили крестьян активизировать различные стратегии преодоления голода, часть из которых была известна и прежде, но часть изобреталась вновь. К традиционным практикам можно отнести сокращение и обеднение рациона питания, замену натуральных качественных продуктов их подобием (хлеб из крахмала или молотого сухого картофеля), нищенство, поездки в благополучные регионы и др. К новым, например, можно причислить освоение необычных форм хозяйственной деятельности, изготовление различной продукции домашних промыслов и ориентацию на рынок. Это позволило сохранить в экстремальных условиях, по крайней мере, минимальный уровень потребления.

Ссылки

1. Орлов И. Б. Голодные годы в России и исторические механизмы социальной адаптации // Человек в российской повседневности: сб. науч. ст. М.: СТИ МГУС, 2001. С. 111–119.

2. Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. / отв. ред. В. П. Данилов, Л. В. Милов. М.: РОССПЭН, 1996. С. 115–123.

3. Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2014. 496 с. [первое издание: Пг., 1922].

4. Слепцова И. С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П. В. Бугрова) // Русский Север: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию со дня рождения К. В. Чистова: сборник научных статей / ред.-сост. Т. Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 79–96.

5. ЯМЗ-18152/27 (1919 г.).

6. ЯМЗ-18152/28 (1920 г.).

7. ЯМЗ-18152/26 (1918 г.).

8. ЯМЗ-18152/29 (1921 г.).

9. ЯМЗ-18152/25 (1917 г.).

10. ЯМЗ-18152/31 (1922 г.).

11. Посадский А. В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми, 1918–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2018. 319 с.